

ПОСЛЕДНИЕ ПИСЬМО

В МОИХ руках свернутое треугольником, пожелтевшее от времени письмо. Оно написано более четверти века назад торопливой рукой брата. До сих пор не хочется верить, что его нет, что пройденные версты фронтовых дорог оборвались вместе с юной жизнью. Брат не дождался победы. Но он горячо верил, что она придет. И он шел во имя ее, шел, презирая невзгоды, презирая смерть.

«Привет с освобожденной русской земли!» Так начиналось это письмо, оказавшееся последним. Письмо написано двадцать восьмого августа тысяча девятьсот сорок третьего года. Написано незадолго до освобождения Смоленска.

«Мама, я сколько раз просил тебя не беспокоиться, когда нет писем. Нет — значит некогда». «Ну что же, это война. Теперь она скоро кончится. А как только конец, то я с вами».

Я всегда задаю себе один и тот же вопрос: как он мог выдерживать неимоверные трудности фронтовых дорог с таким здоровьем, какое было у него?

...Тысяча девятьсот двадцать первый год. Петроград. В нашем большом доме половина незанятых квартир. Сбежали богачи, побросали дорогую мебель, ковры, в золоченых рамках картины. Отца несколько раз вызывают в райлибуправление:

— У вас родился второй сын. Занимайте любую буржуйскую квартиру.

Отец категорически отказывается. Мы живем на первом этаже в холодной квартире. Печь топится редко. Дров мало. В люльке, сделанной из бельевой корзины, покачивается мой брат Миша. Лицо его бледное. Смотрю на него с удивлением. Не было брата, и вот — пожалуйста!

Шли годы. Подрастал брат. Вот ему и восемь лет. Вот и школа. Я уже в пятом классе. Есть у нас и еще один брат — Дима. Есть и самая маленькая сестренка Галя. Ей всего два года. Семья выросла. С матерью и отцом — шесть человек. Отец работает один. Денег не хватает. Страна еще только-только набирает сил. Первые промышленные стройки, коллективизация.

В нашей квартире — чудо. Впервые зажглись электрические лампочки. Отец с какой-то прямо мальчишеской радостью снял висющую

керосиновую лампу. Все кругом посветлело. Радость все чаще и чаще врывается в дом. Мы впервые едем на дачу.

Миша во втором классе. И вдруг горе. На школьном дворе старшеклассники играли в футбол. Миша наблюдал за игрой. И вот надо же так случиться. Кто-то сильно ударил по мячу. Как раз подвернулся брат. Удар мячом пришелся по его спине. Сначала боли не ощущалось. Но через месяц у брата заболела спина. Позвоночник в одном месте принимал неправильную форму. Рентген обнаружил в костях несколько трещин. Начал расти горб.

Пришла на квартиру медсестра. Брата запленили в гипс. Целый год лежал в кровати без движения. Часто по ночам стонал. Днем крепился.

Через год сняли гипс. Посмотрели — ничего не изменилось. Один, другой, третий консилиумы. Санаторий под Ленинградом. Результат прежний.

Брат с раннего детства играл на музыкальных инструментах, неплохо рисовал.

Пять лет болезни — не шутка. Но он не отстал от своего класса. Учился в больнице. Помогали товарищи. В школе у брата появилась новая страсть. Записался в кружки художественного слова и драматический. Читал дома, читал вслух, читал вдохновенно. Первые успехи. Отца вызывают в школу:

— Ваш сын — будущий артист. Его выступление было лучшим. Он покорила всех нас своей игрой.

Директор пожал отцу руку. Сердечно поздравил. Дома отец рассказал полупотом. Боился испугать надежду. Может, и на самом деле счастье. Может, природа и вознаградит сына за длительные страдания.

Поздняя осень. Тысяча девятьсот сороковой год. Я из армии на несколько дней приехал в Ленинград. Заключительный концерт художественной самодеятельности школ области. Большой зал Дома культуры переполнен. Настроение у всех поднятое. А у нас особенно. Прошло на заключительный концерт конкурса и выступление брата.

Открывается занавес. Посреди сцены, в богатом саду фонтан. Через несколько мгновений твердой, размашистой походкой выходит самозванец Дмитрий. Сцена у фонтана из «Бориса Го-

дунова». Брата узнать трудно. Распущенный блестящими камнями голубой костюм, красивая, отороченная мехом шапка царевича.

Зал горячо и долго аплодирует. Слышатся возгласы: «Браво!».

Решена судьба: брат принят в профессиональный театр.

Великая Отечественная война. Брат-артист и помощник режиссера Чкаловского театра. Тревожные сводки с фронтов. Враг рвется к Москве, к городу-колыбели революции. Ленинград в блокаде. Брат первым узнает о гибели отца и брата Димы. «Нет больше нашего папочки и братика. Вечная память и вечная слава им», — писал он мне в феврале сорок второго. «Проклятые фашисты. Пойду на фронт. Пойду на передовую. Только бы пропустили по здоровью!»

В мае сорок третьего уехал на фронт артист Михаил Голубев. Уехал, хотя был не совсем здоров. Западный фронт. Наступление. Одна за другой рвутся оборонительные линии противника. Впереди Смоленск.

Сентябрьская ночь. Идет дождь. Усталые, мокрые солдаты продвигаются вперед. Враг ожесточенно сопротивляется. Тут и там рвутся снаряды. Непрерывно трещат автоматные очереди. Враг не выдерживает, отступает. В пять утра на крыше гостиницы «Смоленск» реет победное знамя. Ликует со всеми и солдат Михаил Голубев. «Привет с освобожденной русской земли...»

Война не кончена. Значит, снова в бой. Дальше на запад.

Октябрь сорок третьего года. Краснинский район Смоленщины. Деревня Подберезье. Тринадцатое октября. Брат смертельно ранен. Матери лаконичное извещение: «Пал смертью храбрых».

Добрые руки бережно перенесли его останки в братскую могилу. Она и сейчас возвышается в центре поселка Красный. Там стоят две березы. Он очень любил березы. Любил по-особенному. Любил как художник.

Мертвые живут рядом с живыми. Они не стареют. Их пример — пример живым...

Читаю пожелтевшие листы солдатского письма...

М. ГОЛУБЕВ.